

ЧУЖАЯ ЗЛАЯ ВОЛЯ

«Они были уверены, что я ничего не слышу.

Они были в купе вдвоем и говорили об убийстве. Убить должны были меня. Они говорили спокойно, словно речь шла об усыплении чужой больной собаки или лишайной кошки. Догадывались ли они, что я их слышу? Нет, они были уверены, что я ничего не слышу. Но я слышал все.

Его не интересовали детали убийства, его не интересовало, кто будет это делать, он вынес приговор, и для него мелочи предстоящего не имели значения. Она же знала, что ей придется участвовать в этом, ее била дрожь, и я это чувствовал.

Он в который раз объяснял ей, почему я не должен был существовать. Она соглашалась, но как-то не очень уверенно, словно чего-то недопонимала. Иногда мне казалось, что говорят не обо мне, а о каком-то действительно бесполезном и совсем не нужном в этом мире человеке. Они решили мою судьбу, определив срок моей жизни. Имели ли они на это право? Почему работу Бога они взяли на себя?

Я ничего не мог: не мог убеждать, не мог позвать на помощь, не мог объяснить им чудовищность их решения, не мог... не мог... не мог... Они были уверены в своей безнаказанности, и я знал, что это не первое их убийство.

Я знал многое из того, что было и что будет. Я знал, что это мое знание, останься я жив, исчезло бы из моей памяти, исчезло бы незаметно и для них, и для меня. Мой предыдущий путь остался бы вне памяти этого мира сброшенный, словно ненужный груз, в прошлое.

Я знал, что мы едем в город - город, где убивают детей.

Разве мы виноваты? ПОЧЕМУ я еще на что-то надеюсь, даже слыша металл в его голосе? Может быть, потому, что чувствую ее нерешительность? Но я ведь знаю свой срок, так почему, почему я надеюсь? Может, и Бог, послав меня к ним и тоже зная мой срок, на что-то, как и я, надеялся? Ведь сколько людей осталось жить, хотя их тоже хотели умертвить!

Ведь и они сами оставили жить мою старшую сестру! Почему? Как они решают, кому жить, а кому умереть? А ведь я уже сейчас знаю, что через несколько лет моя сестра погибнет и они останутся одни, потому что родить моя мать больше не сможет. Но как, как мне сказать им об этом?

— Да что ты переживаешь? — раздраженно сказал он. — Разве мы виноваты?

— А кто?

— Жизнь такая. Где жить, что есть? Хочешь, чтобы он донесил чьи-то вещи и рылся в помойках?

Чужая злая воля... Чужая злая воля была сильнее их. Они, сами того не ведая, выполняли ее. Они уже знали, что для ребенка нужны условия и их труд. Чужая воля диктовала им свои условия жизни, а труд - это ведь отнятое удобное безделье. Они, думая о секундах, решали вопросы вечности. Они еще не понимали, что моя жизнь - это их протест злой воле и борьба с ней, а смерть - ее торжество.

Они еще не чувствовали, что убийство своего ребенка ценно для чужой злой воли так же, как и убийство своего родителя. Они не

догадывались, что труд отнимет не только удобства, труд отнимет и время для плохого, а значит, сделает их лучше.

— Хочешь, чтобы его унижали только потому, что он нищий, — продолжал он, — чтобы он завидовал тем, кто может вдоволь поесть?

— Но ведь должны мы когда-нибудь жить лучше, богаче

— Нет. Так было всегда богатые и бедные, сытые и голодные, счастливые и несчастные

Я это тоже знал. Так было во все времена. Всегда были мудрые и глупые, послушные и непокорные, великие и бесцветные. Природа человека не изменилась.

Но почему же тогда древние давали жизнь всем потомкам, и только Судьба решала, какому зерну упасть в землю, а какому на камень? Неужели они были глупее? Вряд ли... Они знали главное, чувствовали, чего стоит каждая жизнь, чего стоит каждый прорыв ее из клетки в разумное существо, сколько борьбы, чуда, сомнений и надежд скато в беременности женщины! Они знали побед и поражений развития Жизни!

ЛУЧШЕ БЫ МЫ БЫЛИ ЖИВОТНЫМИ ИЛИ РАСТЕНИЯМИ

ПОЕЗД остановился, и они понесли меня туда, где убивают детей. Мы шли недолго, но я чувствовал, как она дрожит все сильнее и сильнее. Я попытался выбраться из плена, но ничего, конечно, у меня не получилось.

Я уже издали почувствовал и услышал это место. Оказалось, что туда — очередь! Я услышал голоса других детей, которых тоже должны были лишиться жизни. Нас было много. Девочек было больше. Я очень хорошо слышал трех девочек и одного мальчика. Мы понимали друг друга.

— Для того чтобы умереть, — сказала старшая из девочек, — нужно сначала родиться. А если умираешь, еще не родившись, значит, это не смерть? Значит, это что-то другое?

— Но если мы слышим друг друга, — возразил я ей, — значит, мы живы...

— Нас приносят в жертву, — ска-

зала девочка помладше.

— Кому? В угоду какой религии? Какому Богу? — возразил ей мальчик.

— Ма-ма, ма-ма... — заплакал кто-то из совсем маленьких.

— А у меня была бы длинная коса, — сказала вдруг самая младшая девочка. — И много игрушек... как у моей сестры.

— Разве рожденное может быть сестрой нерожденному? — спросил мальчик. — Ведь если нас приговорили к смерти, значит, мы уже мертвы?

Ему ни кто не ответил.

— Они преступники, — сказала младшая девочка.

— Нет, — не согласился с ней мальчик, — они не преступники. Преступления, которые совершают все, люди находят другие названия: ошибка, просчет, необходимость, недоразумение... Привычное не может быть преступлением.

— А это будет больно? — спросила самая младшая девочка.

— Если и будет больно, — ответил ей мальчик, — то это всего лишь мгновение... одно мгновение.

— А может быть, я сделала что-то плохое? — сказала младшая девочка. Почему они решили разделить душу с моим телом?

— Убивает тот, кому безразлична своя жизнь, — ответила ей старшая девочка.

— Значит, жить — это плохо? — спросил задумчиво мальчик. — Неинтересно?

— Наверное.

— Но почему, почему так хочется жить? — тихо спросил он.

— Так устроен мир. Все живое борется за жизнь, — ответил ему я.

— Борется? спросил он. — А с кем?

— А я крещеная, похвасталась самая маленькая. Когда маму крестили, я уже была в ней. В церкви так хорошо...

— Лучше бы мы были животными или растениями, сказала старшая девочка.

— А я и влюбиться уже успела, — снова похвасталась самая маленькая. — В мальчика из соседнего дома. Он такой добрый... Он хоть и младше меня, но он останется жить... Все замолчали,

кроме самых маленьких, которые плакали, чувствуя нашу общую судьбу

— В настоящем встречаются люди из прошлого и из будущего, — нарушила молчание старшая девочка — А мы, из какого времени?

— Мы, — ответил я, — минувя настоящее, из будущего идем в прошлое

Опять наступило молчание — Они убивают не только нас, — задумчиво сказал мальчик — Они убивают и все те поколения, которые последовали бы за нами. Сколько же это жизнью

Самые маленькие стали плакать громче — они чувствовали, что конец уже близок и страх смерти вошел в их маленькие тельца

— А они любят нас? — опять задумчиво спросил мальчик — Будут ли они помнить о нас?

— О плохом разве помнят? — невесело усмехнулась старшая

— Выходит, мы плохие? — спросил он.

— Наверное, — еще успела ответить она, когда ее уносили от нас

ЖДАЛИ ЧУДА

МЫ МОЛЧАЛИ. Мы чувствовали, что происходит там. Но мы и ждали. Мы ждали чуда. Нет, не произошло. Ее мать вернулась без нее. Потом унесли девочку помладше. Она плакала и просила не убивать ее, но ее слышали только мы. Она тоже осталась там. Потом стали уносить самых маленьких. Их матери возвращались быстрее.

Когда мать самой младшей девочки собралась ее уносить, девочка сказала нам:

— А я рада, что не рожусь. Я знаю, что если бы мне пришлось это сделать, то я родилась бы мертвой... Мама никогда не хотела меня. Мне пришлось бы родиться мертвой.

Мы с мальчиком остались вдвоем.

— Интересно, — спокойно спросил он сам себя, — почему, зная неизбежное, я все равно радуюсь, что не я следующий? Почему я радуюсь каждой отсрочке? Может быть, сила Жизни и состоит в том, чтобы, зная, все равно надеяться?... А чего будет в этом мгновении больше — рождения или смерти?

Следующим был он. Некому ответить на его вопрос.

Последним оказался я. Значит, я был самым счастливым из них?

Чужая злая воля... Чужая злая воля устроила здесь пир, она, словно ненасытный зверь, лакомилась каждой частичкой Жизни, которая попадала в ее пасть. Почему же никто не воспротивился ей? Почему мы сами даем ей силу? Но что, что могу сделать я?

Я собрал все свои силы, силу всех поколений, живущих во мне, и закричал, закричал, закричал... Потом я пошевелился и впервые причинил матери боль.

— Последняя отказалась делать аборт, — взволнованно сказала медсестра врачу, входя в операционную. — Она говорит... она говорит, что услышала крик ребенка!

— Не может быть... — ответила та, снимая перчатки, — галлюцинации... — Она вдруг впервые за целый день улыбнулась: — Как хорошо, одним человеком на земле будет больше»

(По материалам АИФ. № 7 апрель 2004г.)

ПУСТЬ ОН УВИДИТ СОЛНЦЕ

Остановись!

Пусть он увидит солнце,
Услышит шум

весеннего дождя

И будет в час

счастливейшей бессонницы

Смотреть на звезды,

глаз не отводя.

Тебе легко

не дать ему родиться,

Тебя не станут

за руки держать,

А он не может

даже защититься,

Не может крикнуть,

встать и убежать.

Ведь ты могла

с ним миром поделиться,

Любовью, лаской,

светом и теплом

И если надо,

даже потесниться

И дать ему местечко

за столом.

И, может быть, никто иной,

а этот,

Чья жизнь теперь

на ниточке висит,

Окажется учёным или поэтом

И целый мир о нём заговорит.

Неизвестного автора

НАРОДУ!

Поверженная срамословьем,

Страна в отчаяньи лежит.

Никто отныне не блудит:

Все занимаются любовью...

Мой замордованный народ!

Печальна полоса невзгод,

Прискорбна обшая разруха,

Но страшно поруганье духа!

Когда глаголющие лживы,

Когда все силы — для наживы,

Когда забыто благородство,

Когда любуются уродством,

Когда в чести самцы и самки,

А целомудрие на свалке,

Когда содомляне вещают

И нормой срам

провозглашают,

Когда священное обрыдло,

Тогда ты не народ, а быдло!

Не потому ли, по наказу,

Выносят мерзость и заразу?

Чтоб жрали и хлебали поило,

Чтоб горницей

казалось стойло,

Чтоб принародно оголялись,

И без конца совокуплялись,

Теряя разум в наслажденьях,

И утопая в испражненьях,

Чтоб, обезумев от зловонья,

Забыли о простом законе:

Толпе, без чести, без стыда,

Не стать народом никогда!

Перомонах
Роман (Матюшин)